

ФЛЕЙТА БОГА

1.

Наконец-то прекратился нудный осенний дождь, и выглянуло робкое, но долгожданное солнце. Лондон сразу преобразился, повеселел и засуетился, словно вырвавшийся на свободу шаловливый ребенок.

Адам вышел из театра на улицу и, как всегда, его окружила толпа поклонников. Он привык уже к этим встречам, кратким разговорам, раздаче автографов. И видя, как люди подходят, вначале немного стеснясь, а уходят довольные и счастливые, чувствовал, что делает что-то доброе, от чего и самому становилось легче на душе. Конечно, они не знают ни его жизни, ни его проблем и, наверное, думают, что все дается ему шутя, без особых трудностей. Но может это и хорошо. Пусть приходят каждый вечер в театр, видят чудесное волшебство, прекрасную добрую мечту и хранят в душе надежду.

Он любил этот город, свой театр, свою жизнь, которая теперь в 57 лет воспринималась с особенной остротой. И то пронзительное чувство безвозвратно прожитых лет, и ролей, которых уже никогда не сыграть. И ощущение хрупкого завтра, которое может не наступить. Все эти эмоции наполняли его сердце ощущением бытия и, как ни странно, гармонией со всем сущим. Даже боль воспринималась им сейчас, как благословение небес.

Идя по знакомым улицам, Адам рисовал себе в мечтах свой собственный театр и спектакли, которые будет ставить. Он уже знал, какие именно, и как он будет их играть. Но каждый раз он додумывал все более сложные костюмы, все более точные жесты и интонации. И, безусловно, декорации. Он расписывал их как художник. Видимо это его первая профессия и еще один безусловный талант искали выхода. Адам грезил наяву и улыбался.

Ника шла по улицам Лондона и, в отличие от Адама, разглядывала город. Все здесь было по-другому, не как в России. И она впитывала эти впечатления, как глоток какого-то неизвестного, но очень вкусного напитка. Хотя немного совестно было так откровенно наслаждаться мирскими впечатлениями, но она утешала себя тем, что завтра в Лондон приедет ее Духовный Учитель, совершающий тур по Европе, даст вкусить духовного нектара рассказов о Боге, и все земные прелести мигом померкнут. Так было всегда. В России без него было тоскливо. Работа, быт, но главное - общая безрадостная атмосфера, высасывали всю духовную энергию. Поэтому, узнав, что Учитель в этом году к ним в страну не приедет, она, как и некоторые ее братья и сестры в Боге, приехала в Европу. «Приходится признать, - вздохнула Ника, - карма у европейских учеников значительно лучше, - они ведь могут довольно часто иметь общение с ним. Нам же остается только рассчитывать на его беспричинную милость».

Из сладостных раздумий Адама вывело легкое столкновение с кем-то из прохожих. Любимая кожаная папка выпала из рук на мокрый тротуар. Адам поморщился от досады и уже собрался нагнуться за ней, но его опередили.

- Возьмите, пожалуйста.

Незнакомая девушка протянула его испачканное сокровище и смущенно улыбнулась. Осторожно забирая папку, он подумал, что столкнулся, по-видимому, не с ней, а потому придется ее поблагодарить. Но он не успел даже сменить расстроенного выражения лица, как ему протянули чистый носовой платок.

- Возьмите, пожалуйста.

Он недоуменно посмотрел на нее, внезапно осознавая, что девушка говорила с сильным акцентом. И когда увидел жест, как бы протирающий папку, улыбнулся.

- Спасибо. Но я не смогу его Вам вернуть.

Она пожала плечами и махнула рукой. А он неожиданно для себя спросил:

- Вы ведь не из Англии?

- Нет... - И глядя, как он, протерев папку, неловко покрутил грязный платок в руке и опустил его в стоящую рядом урну, добавила: - Из России.

Почему-то это прозвучало для него как выстрел. Он внимательно посмотрел на нее, все еще чувствуя какую-то неловкость. Внешность у нее была действительно не типичная для Англии. Темные короткие волосы обрамляли бледное лицо с аристократическими чертами. А черные густые брови и ресницы, и особенно, выразительные темно-синие глаза делали его необычайно живым. Было в ней что-то еще, но он не успел об этом подумать, так как в этот момент она забавно приподняла одну бровь в немом вопросе. Адам улыбнулся:

- Вот уж не думал, что в России живут такие... милые девушки.

Девушка промолчала, а ее глаза стали очень серьезными. Но он все продолжал разглядывать ее, как какую-то диковинку. Лет ей где-то 26-27, на голову ниже него. И ей, пожалуй, идут и длинная темно-фиолетовая куртка, и желтый шарф, и даже голубые джинсы с кожаными полуботинками на шнурках.

- Меня зовут Адам Хартман. - И так как она вряд ли, несмотря на его известность, знает о нем что-то, добавил. - Я актер. Работаю в театре и кино. ... А вас как зовут?

- Ника. Просто Ника. И я знаю... кто Вы такой.

Повисло неловкое молчание. Адаму стало неудобно. Он привык к тому, что его узнают и ему не надо представляться. А сейчас, кажется, получилось так, как будто он хвастается. «Еще не хватало начать перечислять все свои награды» разозлился он на себя. Ему захотелось поскорее избавиться от этой глупой ситуации:

- Да... Что ж... Огромное Вам спасибо. Рад был познакомиться и ... Мне нужно спешить. Всего Вам... наилучшего. - Адам кивнул ей на прощание, и может быть даже чересчур поспешно, продолжил свой путь. Но вернуться к прерванному приятным мыслям уже не удавалось. Не придумав ничего лучшего, он остановился у ближайшего лотка и купил газету.

Оставшись одна, Ника наконец вздохнула и перевела дух. Адам Хартман известный актер, а она не только никто, но даже английского толком не знает. Ее поразило, насколько он в действительности был

красив, и хотелось еще хотя бы немного поговорить с ним. Но, судя по всему, он этого явно не желал. Из всех сил стараясь не глядеть вслед его удаляющейся спине, Ника достала из кармана листок с адресом Лондонского Храма и стала искать у кого бы спросить как туда добраться. При этом она мысленно повторяла заученные разговорные фразы.

Буквально через несколько минут они опять столкнулись: Ника с листком, Адам с газетой. Смущенно взглянув друг на друга, они уже намеревались поскорее разойтись, но тут неожиданно для себя Ника выпалила:

- Вы не подскажите, как мне сюда добраться, - и протянула ему листок.

Адам долго раздумывал, прежде чем начать объяснять. Необходимое место находилось достаточно далеко отсюда. И хотя на автобусе девушка могла добраться туда без проблем, он все еще колебался, прежде чем предложить ей другой вариант. Наконец, он решился:

- Мне как раз по пути, так что могу Вас проводить.

Конечно, он соврал. Наверняка девушка это почувствовала, да и времени до вечернего спектакля оставалось не так много. Но все же он откровенно обрадовался, когда она с улыбкой приняла его предложение.

Мокрый асфальт начал подсыхать. В редких лужах отражалось солнце, и, несмотря на осень, казалось, в воздухе пахнет весной. Было приятно вот так вот идти, никуда не спеша, впитывая каждое мгновение, впечатывая его прямо в сердце, чтобы запомнить навсегда.

- Вы любите театр? - осторожно спросил Адам, боясь нарушить царившую гармонию.

- Раньше любила.... Мне казалось, что театр - это Храм.

- А теперь?

- А теперь я знаю, что Храм там, где находится Господь.... Хорошая сегодня погода. Не правда ли?

- Меняете тему? - улыбнулся он, - А мне кажется люди изменяются к лучшему, когда приходят в театр и видят действительно стоящую вещь. Я бы хотел иметь свой театр и делать только такие спектакли, которые помогали бы людям стать добрее, искреннее, будили бы в них самые лучшие качества.

Адаму вдруг захотелось рассказать ей о своей мечте. Даже, несмотря на то что, судя по тому, как напряженно Ника вслушивалась в его слова, она не до конца понимала английский. А может быть, именно поэтому.

- Вы понимаете то, что я говорю?

- Я чувствую. ... Думаю, это гораздо важнее.

Адам кивнул и улыбнулся. И тут словно прорвало платину. Он начал говорить вслух то, о чем думал вот уже много лет, открывая ей свое сердце. Его лицо преобразилось, как будто он сбросил несколько десятков лет, и Ника смотрела на него во все глаза, замороженная музыкой его глубокого, бархатного голоса, невероятно выразительной пластикой его рук и мечтательной улыбкой, струящейся из двух зеленых омутов. Сами слова проходили куда-то мимо, они были даже лишними. Потому что связь установилась на каком-то другом уровне. Одно сердце переживало и чувствовало то же, что и другое. Словно две струны, звучащие в унисон. И Ника на какое-то мгновение увидела не Адама Хартмана с его характером, привычками, не пожилого человека и даже не мужчину, а ЕГО, такого, какой он есть на самом деле. Она бы не смогла объяснить это словами, но та Личность была невероятно прекрасной, до боли родной и не имела отношения ни к грубому, ни к тонкому телам. Словно они были одеждой, которую только и могут воспринимать материальные чувства. А сейчас Ника видела сердцем. И всё ее существо рванулось навстречу той безумно прекрасной Личности. Сильнее всего на свете ей захотелось общаться с Ним, сделать для Него что-то очень ценное. До слез. До неистового немого крика.

Громкий разговор и хохот, проходящий мимо молодых парней, как нечто грубое и чужеродное ворвался в уши, разрывая тонкую нить единения. Волшебство кончилось, но Ника знала, что уже не забудет этого ощущения, и что ее сердце будет жаждать ощутить это чудо еще раз, хотя бы на мгновение. И только через некоторое время она поняла, что Адам уже молчит, и что они стоят друг напротив друга, посредине какого-то моста.

Первым пришел в себя Адам. Осторожно взяв Нику под руку, он подвел ее к ограждению и, облокотившись на перила, стал смотреть на воду. Намеренно не поворачивая головы в ее сторону, и прекрасно сознавая, что сейчас действует как опытный мужчина и актер, Адам позволял ей украдкой разглядывать себя. Он понимал, что между ними произошло нечто, сделавшее их не чужими людьми, и хотел, хоть это и безумие, чтобы она влюбилась в него.

- Расскажи мне о себе, - тихо попросил он.

- Не знаю смогу ли я. Да это и неинтересно.

- Интересно. Тебе сколько лет?

- Двадцать семь.

- Ты замужем?

- Была когда-то. ...Две недели.

- И что случилось? Он тебя бросил?

- В каком-то смысле. Погиб в автомобильной аварии. Хотите, я Вам стихи прочитаю на русском?

Она, видимо, уходила от неприятной темы, и Адам решил помочь ей:

-Да, конечно.

Теперь он откровенно смотрел на нее, отмечая каждую черточку, каждый жест. Ее нервные тонкие пальцы напряженно сжимали перила моста, взгляд был устремлен куда-то вдаль, а голос был тихим и грустным. В какой-то момент Ника повернулась и посмотрела ему в лицо. И Адам увидел в ее глазах глубокое отчаяние и безысходность. Но через мгновение она уже улыбнулась:

- Это только стихи. Немного печальные. Они бы вряд ли вам понравились. А знаете, я когда-то мечтала стать актрисой и даже поступала в театральный.

- Действительно? И ... что спасло мир?

- Полное отсутствие таланта и неподкупность комиссии, - весело рассмеялась Ника.

Она смеялась как ребенок, легко и заразительно. И Адам тоже не удержался.

- Я бы тебя принял, - сказал он сквозь смех.
- Ну да? У меня же нет таланта.
- Ты даже не представляешь, какой у тебя талант. – Он вдруг стал серьезным и глубоко заглянул ей в глаза.

- Каким ветром занесло тебя в Англию?
- Мой Духовный Учитель. Он приедет сюда, в Лондон, завтра.
Адама словно окатили холодной водой.
- Духовный Учитель? И чем ты занимаешься?

- Молюсь Богу. Это что плохо?

- Н-нет. Я не в том смысле. Это какая-то религия? Ну, буддизм там.... Или что еще?

Ника всегда удивлялась, что большинство людей всегда реагировало подобным образом, словно это было что-то из ряда вон выходящее. Для нее с детства было нечто естественное в том, что есть Бог. И она всегда знала, что существует знание, которое включает в себя все, что есть на свете: от Бога до летающих тарелок. Еще совсем маленькой она отчетливо сознавала, что сталкивалась с этим знанием раньше, в другом теле, в другой жизни. И повзрослев, стала искать повсюду, во всех религиях, пока не нашла. Ее сердце сразу подсказало ей, что это то самое. Но как объяснить это другим?

- Существует только одна вечная религия – любовь к Богу.

- Ну, а как же католики, протестанты, христиане... ислам, наконец. Религий много и все молятся своим богам.

Ника посмотрела на него как на ребенка сказавшего глупость:

- Бог один. На то он и Бог. Там, - показала она пальцем в небо, - не общежитие.

- Но, все же религий много. И все они называют Бога разными именами, - Адам начал заводить.

- Странно, почему Вас не удивляет, что солнце – одно, а в разных странах его называют по-разному? И что у окружающих Вас людей совершенно различное сознание, различные цели и желания? Почему?! Ведь это же так естественно!

- Конечно. – Адам прищурил глаза и в голосе его послышался сарказм, - Наверное, поэтому и существуют войны на религиозной почве, во славу Бога. И Богу, видимо, это нравится. Также как и всевозможные секты, состоящие сплошь из сумасшедших людей.

- Причина войн не Бог, а личные эгоистические интересы. И люди не понимают друг друга из-за своего различного сознания. Но все же лучше сходить с ума по Богу, чем по иллюзорным вещам этого мира.

Ника не понимала, почему все было так хорошо, а сейчас они готовы чуть ли не поругаться. Она не могла объяснить, а он видимо не хотел принять очевидных для нее вещей. «Ну, почему все так? Ведь он такой хороший! Да еще этот языковой барьер».

Ника посмотрела на Адама, - он закрылся, стал таким холодным и чужим, - и поняла, что сейчас они разойдутся навсегда. «Господи, как все глупо!»

Адам поймал ее взгляд, отвернулся, потом выразительно посмотрел на часы:

- Извините, леди. Приятно было познакомиться, но у меня нет больше времени.

Он был обижен, сам не понимая, на кого и на что. Как будто его обманули в его ожиданиях. Ему было абсолютно безразлично, что сейчас он оставляет девушку одну в чужом городе, даже чужой стране, не проводив, как обещал, до места. Ему было все равно.

- Это ложь.

- Что?

- Это неправда, что Вам приятно со мной познакомиться, - Ника говорила очень тихо, глядя себе под ноги.

Адам даже не удостоил ее ответом, развернулся и зашагал прочь. Он шел напряженно, слегка ссутулившись, одной рукой придерживая полу длинного черного пальто. Ветер развивал его немного длинные и изрядно поседевшие волосы, и Ника вдруг заметила, что он уже... старый. Гордый, красивый, безмерно одинокий и старый. Ей стало мучительно жаль его. Она вдруг подумала, что он может умереть, умереть в любой момент. Может быть, завтра его уже не будет. Или через час. Или даже через минуту.

- Адам! – закричала Ника, - Адам!!!

Но он только плотнее запахнул пальто, словно закрываясь от нее. Ника почувствовала, что сейчас расплачется.

- Пожалуйста, не уходите, - прошептала она чуть слышно. Горло перехватило, и слезы сплошным потоком хлынули из глаз.

- Пожалуйста! – выдохнула она, сознавая всю безнадежность и из последних сил стараясь не разрыдаться.

И тут Адам обернулся. Сквозь пелену слез Ника увидела, как он вначале остановился, затем обернулся и долго смотрел на нее, очевидно пытаясь принять какое-то решение. И, наконец, медленно пошел ей навстречу. Она больше не могла сдерживаться и заплакала, как ребенок, навзрыд.

Адам подошел совсем близко. В его намерения входило только объяснить ей дорогу, но сейчас, увидев, что она плачет, понял, что не сможет теперь просто уйти. Ника смотрела на него беспомощными глазами, стараясь подавить всхлипывания, и он почувствовал себя растерянным. Даже готов был признать, что, наверное, есть и его вина в том, что произошло. Ему захотелось как-то утешить ее:

- Вот видишь, как легкомысленно раздавать разным проходимцам носовые платки. Они, как правило, оказываются неблагодарными. А платок может понадобиться в самый неожиданный момент.

Ника слегка улыбнулась и робко взглянула на него. В сердце Адама стало разливаться какое-то томительное тепло, и он в который раз удивился тому, что кто-то может иметь такие удивительно синие глаза. Подавляя внезапно появившееся желание обнять ее, он взял Нику за руку.

- Пойдем. Уже недалеко.

Они шли молча. Солнце, словно играя в прятки, периодически скрывалось за невесть откуда набегавшими облаками. Ветер срывал с деревьев желтые листья и заставлял их танцевать, выделявая различные замысловатые па. А сквозь уличный шум смутно угадывалась где-то вдали звучащая мелодия,

едва различимая, но невероятно прекрасная.

2

Занавес опустился. Минуту или две зал пребывал в полной тишине, а затем взорвался аплодисментами. Они гремели еще долго, и артисты несколько раз выходили кланяться. По залу проносился шепот:

- Адам Хартман, как всегда, неподражаем.

- Он просто гений!

- Люси сегодня очаровательна!

- О, Адам! Адам! Я люблю тебя! – выкрикнула немолодая, ярко покрашенная женщина и устремила с букетом цветов на сцену. Она бросилась на шею Адаму Хартману, и неизвестно чем бы все закончилось, если бы в последний момент он не увернулся и не прикрылся, как щитом, своей партнершей Люси Браун. Люси, как верный друг, пришла на выручку, выхватила у фанатичной леди букет и стала рассыпаться ей в благодарности. Тем временем Адам ретировался.

Оказавшись в примерной, он устал опустился в кресло и прикрыл лицо ладонью. Больше всего ему хотелось побыть сейчас одному, в темноте и в тишине. Впрочем, он подозревал, что это, скорее всего, не поможет. «Господи, что со мной?», едва шевеля губами, прошептал Адам. Сердце его словно томилось и рвалось куда-то, озираясь вокруг и не находя себе места. Хотелось все бросить и бежать, но умом он не понимал, куда и зачем. Стараясь избавиться от этого ощущения, он выложился на сцене весь, как никогда раньше, но и это не принесло ему удовлетворения.

Негромко постучав в дверь, в комнату впорхнула Люси.

- Адам, что с тобой? Что-то случилось? – осторожно спросила она, присев на подлокотник, стоявшего напротив кресла.

- С чего ты взяла? – Адам даже не отнял ладони со лба, просто раздвинул пальцы.

- Брось, Адам. Мы же знаем друг друга не одну сотню лет.

«Старый друг. Добрая Люси» Он не мог быть неблагодарным, но и не мог рассказать ей того, чего и сам не понимал.

- Спасибо тебе за заботу. Все нормально. Просто устал.

Возможно, он действительно просто устал. Вот закончится театральный сезон, он возьмет отпуск и отдохнет. Может быть, даже куда-нибудь съездит, полежит на солнце ни о чем не думая... «Впрочем, – вздохнул он, – Ничего не выйдет. От того, что в сердце – никуда не убежишь»

- Ты прости, Люси, я бы хотел побыть один. Не обидишься?

- Ну, что ты, Адам. Отдыхай. – Люси подошла к нему, и слегка погладив его руку лежащую на подлокотнике, тихо добавила, - Я понимаю, что театр это вся твоя жизнь. Но не стоит сжигать себя. Даже ради него.

Оставшись один, он недовольно поморщился. Сегодня уже второй человек пытается сказать ему, что театр это не самое главное. «Да, что они понимают! Пытаются перечеркнуть весь смысл его жизни. Ну ладно Люси. Она, может, просто так сказала, хотела как лучше. Но эта молоденькая девчонка! Что она может знать?! Она даже не представляет себе, что такое театр!»

3

К ночи заметно похолодало, но дождь так и не начался. И потому город сохранил следы дневного оживления. В свете неона он казался слегка нереальным и пропитанным ожиданием чего-то чудесного, словно в ночь перед рождеством. А может быть, это просто человек переносит свое внутреннее состояние на все, что видит вокруг. Так или иначе, Ника воспринимала все именно в таком свете, когда ехала после вечерней службы в автобусе вместе с английской семейной парой средних лет, у которых остановилась на неделю. Новые знакомые в предвкушении приезда Духовного Учителя обсуждали предстоящую программу, а Ника размышляла о том, каким все-таки неожиданно насыщенным событиями был прожитый день. Как тепло их встретили братья и сестры в Англии, какой красивый и уютный у них Храм. И что вообще здорово ехать вот так в полупустом автобусе по улицам незнакомого города, и мысленно листать все полученные впечатления, переживая их заново и аккуратно расставляя по полкам памяти.

Единственное, о чем она старалась не думать – это об Адаме Хартмане. Мысли о нем были слишком волнующими и немного пугающими. Но чем старательнее Ника отодвигала воспоминания о нем, тем с большей настойчивостью они возвращались. Тем не менее, она продолжала бороться, так как в глубине сердца осознавала всю безнадежность и безысходность зарождающегося чувства. Самым лучшим было бы вообще забыть о его существовании. «Легко сказать забыть! Если все что сейчас хочется это опять оказаться рядом с ним!» Ника постаралась взять себя в руки и сосредоточится на разговоре. Вот ее жизнь! А Адам Хартман – всего лишь приятный эпизод из прошлого. Не больше. В ее будущем ему места нет. Также как ей – в его.

- А у вас в России, тоже есть Храмы нашего Духовного Учителя?

Ника удивленно посмотрела на своих друзей, понимая что к ней обратились и лихорадочно пытаясь осмыслить вопрос.

- Проблемы с английским?

- Небольшие, - смущенно улыбнулась Ника. И только после того как вопрос повторили, полностью включилась в разговор. Говорили долго, и Ника вскоре почувствовала, что напряжение спадает, и она начинает понимать язык гораздо лучше. И от этого прониклась еще большей симпатией к своим новым друзьям.

Много позже, когда ей определили ее комнату, и она осталась одна, Ника открыла свою любимую книгу – одну из первых книг Духовного Учителя, и углубилась в чтение. Именно в ней она когда-то прочитала слова, уже давно жившие в ее сердце, как прекрасная мечта:

«Флейта Бога повелевает всем. Она может даже заморозить и извлечь из тела жизнь. Звук ее настолько пленителен, что кажется, само твое существо хочет изойти из телесного существования. Я в океане нектара. Я вне себя. Не могу понять - где я? Что со мной происходит? Где мой прошлый опыт, моя серьезность, мое достоинство, куда они делись? Что-то неизвестное перевернуло меня целиком. К какой бы части тела ни притронулся этот звук, кажется, что эта часть отделяется от остального тела и – если только такое можно представить – бежит к Нему»

Ника закрыла глаза и изо всех сил попыталась если не услышать, то хотя бы вообразить этот звук. Но вместо этого она увидела перед собой лицо Адама Хартмана и ощутила тупую ноющую боль. Что ждет этого одинокого человека, цепляющегося за свою иллюзию, как будто она может ему помочь? «Господи! Я хочу, чтобы он был счастлив! Пожалуйста, позаботься о нем. Будь с ним всегда. Прошу, Тебя! Я знаю, что я – никто. Но, пожалуйста, услышь мою молитву. Не ради меня, ради него»

4

Вот уже несколько дней подряд держалась теплая солнечная погода. По утрам нет-нет да подавали голос расслабившиеся птицы. Люди улыбались гораздо чаще, а деревья расправляли оставшиеся желтые листья и изо всех сил тянули свои ветки к солнцу, пытаясь всем телом впитать последнее, и потому драгоценное, тепло.

Между утренней и вечерней программами был большой промежуток времени, и Ника решила побродить по городу. Как всегда когда она получала огромное количество информации и впечатлений, ей хотелось побыть одной, чтобы все переварить. Вот и сейчас она находилась в своих мыслях и мало обращала внимания на то, что происходит вокруг. А Лондон жил своей жизнью. Большая часть населения была погружена в повседневные заботы, и лишь немногие позволяли себе просто наслаждаться жизнью, понимая, что этот день больше никогда не повторится. Но в любом случае это была обычная жизнь. «Интересно, - подумала Ника, - Господь наверняка играет сейчас на своей флейте, но Его никто не слышит. Нет, кто-то, возможно, слышит. Но не все. Почему? Потому что не хотят слышать? Или потому, что на это нет Его милости? А может и то и другое вместе? Но, безусловно, тот, кому повезет услышать ее, станет самым счастливым человеком во всей Вселенной»

Адам вышел из театра и, шурясь на солнце, вдохнул воздух полной грудью. Но его блаженство продолжалось всего несколько секунд. Затем его окружили поклонники и стали просить кто автограф, кто сфотографироваться на память. Их было немного, не больше десяти человек, и Адам постарался быть добр ко всем, хотя, видит Бог, он хотел бы сейчас, чтобы у него вообще не было поклонников. Он рассеянно улыбался, кивал, отвечал что-то, чувствуя в сердце все возрастающую тоску. Был только один единственный человек, с кем бы он хотел поговорить. И хоть он бежал все эти дни от своих чувств и от этого желания, сейчас он понял, что не может больше убежать от себя. «Господи, если Ты есть, пожалуйста, позволь мне увидеть ее еще раз. Хоть на минуту. Очень Тебя прошу!»

Щелкнула вспышка фотоаппарата, Адам кивнул кому-то, устало скользнул взглядом поверх голов и ... увидел ее. Как в кино или в каком-то нереальном сне, Ника стояла на другой стороне улицы и смотрела прямо на него. Та же сиреневая куртка, тот же желтый шарф и те же серьезные темно-синие глаза. В это трудно было поверить и все же... У Адама пересохло в горле. Он хотел броситься к ней навстречу, и наплевать, как это выглядит со стороны, но не мог ни сдвинуться с места, ни окликнуть ее. Как в ночном кошмаре. Просто беспомощно стоял и смотрел. И глаза его молили: «Только, пожалуйста, не уходи!» И вот, словно вняв этой молитве, Ника перешла дорогу, подошла к нему и улыбнулась. Но не успела она даже поздороваться, как Адам сгреб ее в охапку, крепко прижал к себе и прошептал: «Спасибо, Господи!»

Чуть позже, заглянув ей в лицо и увидев, что Ника сильно смущена, хотя по-доброму улыбается ему, он тоже смутился из-за своей несдержанности.

- Как дела?

- Хорошо. А у Вас?

- Тоже ... У тебя есть время?

- Да.

- Может, прогуляемся? – спросил Адам, и внутренне сжался, ожидая ответа.

- Почему нет?

Ника почувствовала, как благодарно ее руку сжала теплая мужская рука, и призналась себе, что ей понравилось, как твердо и уверенно Адам вывел ее из круга ошеломленных поклонниц, многие из которых откровенно ей завидовали.

Некоторое время они шли молча, просто наслаждаясь присутствием друг друга. Но вскоре Ника украдкой взглянула на Адама и заметила что, несмотря на легкую мечтательную улыбку, он выглядит уставшим.

- Адам, - осторожно окликнула она его. Адам посмотрел на нее, и она увидела в его глазах такую невообразимую смесь счастья, боли, нежности и неуверенности, что ей захотелось обнять его, как ребенка и шептать на ухо, что все будет хорошо. "А что будет хорошо?" – тут же пронеслось у нее в голове, - "Ничего не будет". Ника не подозревала, что все эти мысли и эмоции отражаются на ее лице, и что Адам легко читает их, как по раскрытой книге.

- Что... ты со мной делаешь?

Ника удивленно взглянула на него, и вдруг ей показалось, что он сейчас ее поцелует. На ее лице отразился испуг, и Адам взял себя в руки.

- Здесь поблизости на набережной есть кафе. Давай там посидим.

Ника кивнула, одновременно ощущая облегчение и сожаление. "Да это вполне безопасное положение. Сидеть друг напротив друга, видеть, но не сметь дотронуться".

Впрочем, место оказалось хорошим. Они сидели на свежем воздухе, за столиком у самой набережной. Кроме них никого не было. Только река, солнце, приятный ветерок и они вдвоем.

- Адам, вы выглядите усталым. Что-то случилось?

- Да, нет. Все нормально. Просто, я наверное, стал старым.
Он сказал больше, чем хотел, но меньше, чем хотела Ника.

- Давайте поговорим откровенно. Полностью. Я Вам задам вопрос – Вы на него ответите. Только честно. А потом наоборот. Рискнете?

Адам улыбнулся. Он понял, что от него потребуют всю правду. И хоть он не привык выворачивать себя наизнанку, но почувствовал, что иначе с этой девчонкой нельзя. Впрочем, с ней было все по-другому.

- Окей.

- Хорошо. Вас что-то тревожит?

Адам задумался. Просто на такой вопрос не ответишь.

- Сложно сказать. Со мною происходит что-то, чего я и сам не могу понять. Я словно не нахожу себе места. Все что, раньше было важным... Ну, не то чтобы стало не важным. Но я чувствую, что есть ЧТО-ТО, ради чего я могу все бросить. Наверное, это сумасшествие. Мне поздно что-либо менять. И все же... Ты думаешь, я старый? Ответь, твоя очередь.

- Старый для чего?

- Для перемен.

- Я думаю, что Вы замечательный человек, и что Господь очень Вас любит.

- Мне кажется это не совсем ответ на мой вопрос.

- А мне, кажется, что я сказала Вам даже больше, чем Вы спрашивали.

- Да? А если я задам вопрос так. Я слишком стар для тебя?

- В каком смысле?

- В прямом!

Ника опустила глаза под пристальным взглядом Адама.

- А если бы я был лет на двадцать моложе... или хотя бы на десять?

- Я думаю, если бы Вы были моложе, то мне бы не понравились. Потому что Вы были бы другим, не таким, как сейчас. А Вы мне нравитесь именно такой! То, что внутри, важнее того, что снаружи.

Ника говорила серьезно, глядя Адаму прямо в глаза, и он видел, что она и на йоту не кривила душой.

- А если я тебя поцелую?

- Это не честно. Теперь моя очередь спрашивать!

Ника состроила такую забавную детскую рожицу, что Адам невольно улыбнулся.

- Ну, хорошо, хорошо, спрашивай.

- Вы верите в Бога?

- Да, любишь ты выливать на голову ведро холодной воды! – Адам закрыл лицо руками и задумался.

- Верю ли я? Не знаю. Глобально – нет. Но иногда я обращаюсь к Нему. Все так делают.

- А Вы чувствовали, что получали ответ?

- Ответ? Нет. – И тут Адам отчетливо вспомнил, как сегодня молился, чтобы увидеть ее. И увидел. Практически сразу же. – Ну, может быть. Только это, скорее всего, совпадение.

- И Вы действительно думаете, что это совпадение?

Адам посмотрел в темно-синие, безбрежные глаза этой совершенно необычной девушки, и всем своим сердцем ощутил, что все, что он сейчас имеет – не совпадение и уж тем более, не заслуженная им награда. Это чудо. И что Господь легко может и отнять все это.

- Нет! То есть... Я думаю, Господь ответил. Даже больше, чем ответил. Он ... сотворил чудо. Только все очень зыбко, как будто нереально...

- Слишком хорошо, чтобы быть правдой?

- Да, наверное. ... Можно я возьму тебя за руку?

И не дожидаясь ответа, Адам накрыл ее руку своей и крепко сжал. При этом он с таким напряжением смотрел на ее лицо, словно пытаясь навсегда запечатлеть в памяти ее образ.

- Ты еще долго пробудешь в Англии?

- Нет. Через два дня я уезжаю. Можно Вас попросить об одной вещи?

- Окей.

- Пожалуйста, придите в Храм сегодня или завтра на одну из лекций, пока здесь находится Святая личность. Я очень Вас прошу! Это очень, очень важно. Всего один миг общения со Святым имеет большую ценность, чем тысячи праведных жизней. Пожалуйста, не упустите этой милости!

- Спасибо, но боюсь, у меня нет времени.- Адам защищался от неизвестности, поэтому ответил быстро, даже не подумав о возможности принять приглашение.

- Нет времени?! У Вас действительно нет времени! У Вас нет времени, ни на спектакли, ни на репетиции, ни на что! Даже на любовь нет времени. Вы понимаете это?! Каждый миг может стать последним. И неужели в этот последний миг нельзя, наконец, подумать о душе?

Ника увидела, что Адам опять закрывается, словно надевает броню, и становится далеким и чужим. Но он был теперь слишком дорог ей, чтобы махнуть рукой на его судьбу.

- Адам, миленький! Я прошу не для себя. Я хочу счастья Вам! Вы же отправитесь в ад после смерти, как и большинство людей. Не важно верите Вы в это или нет. Но я не хочу для Вас такой участи! Не хочу!!!

- Ну, почему сразу в ад? Я что великий грешник? Да и нет никакого ада. Сгнию в земле, да и только. И знаешь, мне не нравится эта тема.

Адам совершенно не злился. Где-то в глубине души он чувствовал, что она во многом права. И уходил от разговора только потому, что вся его жизнь, все его мировоззрение менялись слишком стремительно. Он был просто не готов к радикальным изменениям. Они его пугали.

Некоторое время они сидели молча, а потом Ника подняла на него глаза полные слез и тихо сказала:

- Если бы Вы только знали, как это больно - видеть, как на ваших глазах тонет дорогой вам человек,

которого Вы очень сильно любите. Вы хотите, и главное, можете помочь ему. Вы протягиваете руку,... а он ее отвергает. И тонет. А вам остается только смотреть.... Ваше сердце выдержало бы это?

5

«Когда Господь играет на самом кончике флейты, извлекая из нее чарующие звуки, все живые существа замирают. Невероятный нектар разливается вокруг. Кажется, замирает даже сам воздух. Он сгущается, наполняемый ароматом цветов, и огромные неповоротливые шмели застывают на одном месте. Они не жужжат и не машут крыльями, чтобы не упустить ни одной из льющихся нот, но все равно остаются висеть в пространстве забавными желто-черными пятнышками.

Все живые существа раскрывают свои сердца навстречу этому звуку. Слезы любви стекают потоками меда по стволам деревьев. Повсюду распускаются цветы и зреют фрукты. Птицы замолкают и, закрыв глаза, сидят на ветках, полностью сосредоточившись на этом чудесном звуке и погружаясь в неземное блаженство. Коровы подняли уши, чтобы испить нектар поющей флейты Бога, который исходит из Его лотосных уст. Они не могут проглотить траву, которую жевали и которая так и торчит у них изо рта, а из их вымени на землю капает белый нектар. Телята, прекращают пить материнское молоко и оно постепенно вытекает из уголков губ. Из глаз их текут слезы любви, потому что в сердце своем они обнимают Господа»

Адам одиноко шел по улицам ночного Лондона. Безусловно, нужно было поймать такси, а не плестись пешком в столь поздний час, но его мысли были слишком далеки от действительности. К тому же он чувствовал себя окутанным незримой любовью и заботой, поэтому мог спокойно уйти внутрь себя и о многом подумать.

Признаться, он не устоял перед слезами Ники, и все-таки выбрался на программу, проводимую ее Духовным Учителем. Правда, он пришел после спектакля и успел только к самому концу. Но, увидев, каким счастьем озарилось ее лицо, подумал, что готов ходить сколько угодно и куда угодно, лишь бы она была счастлива.

Впрочем, Духовный Учитель произвел на него очень хорошее впечатление. Он оказался стареньким седым человеком с необычайно молодыми ярко бирюзовыми глазами. И от него исходили любовь и спокойствие. Увидев Адама, он улыбнулся и сказал: «Ну, наконец-то ты пришел», и попросил его задержаться. Они говорили долго, и Адаму казалось, что этот человек знает о нем все, все его мысли, желания, тревоги. Даже то, что было и что будет для него не тайна. Все вопросы Адама, включая не заданные вслух, получали ответы. И что поразительно, у него не возникало сомнений в их истинности. Его сердце словно проснулось после долгого сна, и стало наполняться удивительным, спокойным счастьем.

Но некоторые ответы были не то чтобы не конкретны, а слишком глобальны, что ли. И Адаму казалось, что для того чтобы постичь всю их глубину может понадобиться не одна жизнь. Но особенно важным для него было то, что сказал удивительный Святой относительно дела всей его жизни – театра, и запоздалых, мучительных чувств к молоденькой девушке. И хотя, первый вопрос Адам высказал вслух, а второй задал в уме, он чувствовал, что ответ дан на оба вопроса.

«О человеке следует судить по его идеалу, по его стремлению к высшему. Если идеал велик – человек велик. Но что должно быть высочайшим идеалом? Любовь. Любовь превыше всего. Это самая редкая и самая ценная вещь. Божественная Любовь и красота – высшее, что известно миру, и тот, кто способен понять это, – действительно обладает истинным разумом»

И теперь Адам шел и раздумывал над тем, что же есть любовь. Безусловно, это не вожделение и не физические упражнения. Но даже если взять самые чистые и высокие чувства, то есть любовь в самом высшем ее земном виде, все равно Истинная Любовь – это нечто еще более высшее. Он чувствовал это в своем сердце, но не мог до конца осознать. Не мог прикоснуться к чему-то, настолько бесконечно высокому и чистому, что захватывало дух даже от неуловимого, едва угадываемого предчувствия самого факта существования этой Высочайшей Любви.

6

Как и бывает перед рассветом, мрак сгустился до физически ощутимой плотности. Еще с вечера западный ветер пригнал караван дождевых туч, которые устроили себе долгожданный привал непосредственно над Англией. И ни Луна, ни звезды не проявляли желания пробиться сквозь их завесу. Природа ждала солнца, затаив дыхание. И к утру, когда ожидание стало невыносимым, все живое начало задыхаться в безысходной непроглядности ночи.

Ника проснулась от внезапной ноющей боли в сердце, которая всегда посещала ее в предчувствии какой-то потери. Спать было больше невозможно, впрочем, как и бодрствовать, поэтому, налив стакан минералки, он села у окна и стала ожидать рассвета. Это было ее последнее утро в Лондоне, городе, принесшим ей так много незабываемых впечатлений, встреч и друзей; городе, в котором жил Адам Хартман. Ника вздохнула. Она знала, что больше никогда его не увидит. «Главное, что он пришел к Духовному Учителю. Теперь, что бы ни случилось, можно быть за него спокойным». Но она не была спокойной. Ей до безумия хотелось его увидеть, поговорить с ним, просто побыть рядом. Хоть несколько минут.

Солнце начало медленно подниматься над горизонтом, но угрюмая серость утра не приносила облегчения. Каждое пролетевшее мгновение казалось Нике шагом на эшафот.

- Мы ведь даже не попрощались! Господи, пожалуйста, позволь мне увидеть его еще раз, – шептала она, глядя на принципиально нежелающее светлеть небо. – Я знаю, что это земные чувства. Они временные, преходящие. Но, может быть не будет таким уж тяжким грехом, если я еще хотя бы раз, всего на несколько минут окажусь в его объятиях? Тем более что сейчас, насколько мне известно, он не женат. Господи, до чего человек слаб! Ты предлагаешь высшее, что вообще может существовать, самое сокровенное и редчайшее сокровище, а я прошу всего лишь горсть дробленого риса.

Ника уткнулась лбом в оконное стекло, вцепившись до боли руками в подоконник. И тут Нику

осенило. Театр! Адам по утрам бывает в театре. И если сейчас поехать туда, то она успеет до отъезда увидеть его. ...Но с другой стороны, это же чистой воды эгоизм. Она думает сейчас только о своих желаниях, а не о том, что хочет он или что для него будет наилучшим. Ведь если разобраться: все сцены прощания - это лишь дополнительные страдания. А разве она хочет, чтобы он страдал? К тому же, Адам сейчас, надо полагать, получил много духовных реализаций, и с ее стороны будет нечестно провоцировать его опуститься на мирской уровень. А это непременно произойдет, так как, положа руку на сердце, она хотела большего, чем просто постоять рядом и поговорить.

Ника была неудовлетворенна собой: «Проблема даже не в том, что я хочу чувственного удовольствия, а в том, что я хочу чего-то для себя». Покачив головой, она взяла книгу с лекциями своего Духовного Учителя и нашла ту, которая посвящена Истинной Любви.

«Природа Истинной Любви такова, что если для счастья объекта любви любящему нужно принять боль, - он примет ее. И это будет его высшим счастьем. Истинно любящий никогда не желает своего личного счастья. Он желает только счастья объекта своей любви».

«Божественная Любовь столь возвышенна и привлекательна, что однажды, соприкоснувшись с ней, никто не сможет продолжать жить без нее. Так высока она, так прекрасна, так чарующа - она полностью охватывает сердце! Это невозможно даже представить».

Вот это правильно, только это. Ника закрыла глаза и представила лицо Адама Хартмана. Что бы она хотела именно для него? Чтобы он не страдал, чтобы не попал в ад, чтобы был счастлив. Нет. Это все общие слова. Чтобы его сделало счастливым? Только любовь. Божественная Любовь. Вот если бы он услышал Флейту Бога, он бы узнал, что такое настоящее, всевозрастающее, вечное счастье.

- Господи, сделай так, чтобы Адам Хартман услышал звук Твоей флейты. Может, он и не заслужил этого. Но что удивительного в том, что Ты раздаешь Свое величайшее сокровище тем, кто этого достоин?! Вот, если Ты дашь его самым нуждающимся, кому нечем заплатить за Божественную Любовь, но кто без нее просто не может жить дальше, то спасешь очень многих, и многим дашь веру. Разве не для этого ты присылаешь в этот мир Своих представителей? Мой Духовный Учитель сказал: «Истина сродни справедливости. Но милость выше, чем истина, чем правда. Сочувствие, милость, великодушие, любовь, красота - выше неприкрытой правды. Без этих качеств истина была бы просто безличным законом». Поэтому я обращаюсь к Тебе как к самой Высшей и прекрасной Личности, и прошу о милости. Не для себя. Пожалуйста, пусть Адам Хартман услышит звук твой флейты. А если все-таки нужна за это какая-то плата, то... пусть я никогда не буду счастлива. Пусть. Только сделай счастливым его. Дай ему почувствовать нектарный вкус Божественной Любви. Пожалуйста!

7

Ничего удивительного не было в том, что дождь пошел как всегда некстати. Несмотря на то, что он являлся практически неотъемлемым атрибутом Англии, все равно каждый раз казалось, что он выбирает наиболее неподходящие моменты.

Адам не находил себе места. Вчера он так и не поговорил с Никой, даже не условился о встрече. Тем не менее, он все же надеялся, что она придет утром к театру, хотя бы для того, чтобы проститься. Будучи не в состоянии репетировать, он, сославшись на плохое самочувствие, спустился вниз и целых два часа проторчал у двери. Вместе с пониманием, что она не придет, пришли отчаяние, боль и обида. Ну, неужели он настолько для нее ничего не значит?! Или у нее просто не было времени? Может быть, она летит сейчас в самолете в свою Россию и даже не вспоминает о нем? Но это же несправедливо! Зачем тогда вообще их пути пересеклись?!

Впрочем, ответ напрашивался сам собой - для того чтобы встретиться с Духовным Учителем. Это и было той неожиданной милостью, тем чудом, которое явил Господь. Потому что сегодня ночью Адам внезапно понял, что жить ему осталось совсем недолго. Но, может быть, именно из-за отсутствия будущего впереди, ему хотелось какой-то завершенности своих дел и чувств.

- Адам! - раздался голос у него за спиной, - Что с тобой? Не говори, что просто устал. Ты же себе места не находишь.

Люси Браун, молча переживавшая за него все последнее время, теперь твердо вознамерилась получить ответ на свой вопрос.

- Все нормально, Люси. - Адам изо всех сил старался говорить непринужденно. Но он был в таком смятении, что просто не знал что сделать, чтобы не сойти с ума, - Все так, как и должно быть. Давай напьемся?

- Ты не пьешь Адам.

- Ну, в последний то раз, думаю можно.

- Ты ... болен? - Адама позабавило искреннее сострадание, прозвучавшее в ее голосе, и он разразился ей в лицо холодным саркастическим смехом:

- Я болен? Люси! ... Я убит!

Было очевидно, что Люси обиделась. «Ну, теперь добавится еще и нечистая совесть» - Он отвернулся и стал смотреть на дождь. Мелкие капли с мучительной методичностью высекали круги на прозрачной поверхности луж. При этом они издавали едва слышные всхлипы. Адам стал напряженно вслушиваться в эти звуки, и вдруг ему почудилась какая-то очень далекая, нежная и печальная мелодия. Было в ней что-то завораживающее, словно кто-то плакал и звал его...

На его плечо мягко опустилась чья-то рука, и он словно проснулся. Люси. Она все это время стояла рядом с ним. И Адам почувствовал, как теплое чувство благодарности разливается в его сердце.

- Она уехала.

- Что?

- Улетела не попрощавшись.

- Кто?

- Ника. Я, знаешь ли, старый дурак, все-таки надеялся... Смешно, да?

- Нет. И куда она улетела?
 - Домой. В Россию.
 - Значит она русская. Мило. Моя подруга недавно летала в эту страну. Я еще подвозила ее... Ты уверен, что самолет уже улетел?
 Адам пожал плечами и вдруг задумался.
 - А ты думаешь...
 - Надо позвонить в аэропорт. — И Люси первой бросилась к телефону. Через несколько минут она торжественно повернулась к Хартману:
 - До вылета еще два с половиной часа. Лови такси, и к ней. — И увидев, что он замялся, добавила, - Больше шанса не будет.

8

Несмотря на шум и суматоху, царящие в аэропорту, и на русских попутчиков, с которыми приходилось общаться, Ника чувствовала себя одиноко. Она никого не ждала, ничего не просила, смирившись со своей судьбой и уверяла себя, что пройдет время и боль в сердце исчезнет. В конце концов, все проходит: и счастье, и страдание. Отстояв длинную очередь и пройдя регистрацию, Ника направилась было в зал ожидания, но остановилась в нерешительности, развернулась и подошла к окну. Может быть для того, чтобы еще раз взглянуть на Англию или просто отодвигала момент окончательной и бесповоротной постановки точки на всей этой истории.

Мелкие капли дождя стучали по стеклу, но скорее не настойчиво, а обреченно. И затем, так и не найдя приюта, текли вниз извилистыми тонкими струйками, словно застилающие глаза слезы. На улице было ничуть не лучше чем на сердце у Ники, но она все никак не могла оторваться от созерцания серой пелены за окном. «Господи, дай мне силы перенести все это» - взмолилась Ника и оглянулась в поисках русских попутчиков. Но то, что она увидела, заставило ее сердце бешено забиться. Высокий седой мужчина быстро двигался по залу, лихорадочно разыскивая кого-то.

- Адам, - крикнула Ника, не успев даже подумать, и бросилась к нему на встречу.

Опомнилась она только когда оказалась в крепких мужских объятиях. Из глаз текли предательские слезы, а тело сотрясилось в немых, едва сдерживаемых рыданиях.

- Девочка моя, похоже, я каждый раз умудряюсь довести тебя до слез, тихо прошептал Адам и прижал ее к себе еще крепче, изо всех сил желая, чтобы это мгновение никогда не кончалось. Только спустя какое-то время, когда Ника успокоилась, он позволил себе заглянуть ей в лицо. — У меня для тебя есть подарок.

Адам достал из кармана новенький мужской носовой платок.

- Спасибо тебе за все.

- И Вам ... спасибо, - грустно улыбнулась она.

- Я так много хотел сказать тебе, а сейчас не могу найти ни одного нужного слова.

- Я тоже... Я хочу, чтобы Вы были счастливы!

- Спасибо. Мы никогда больше не увидимся, - внезапно вырвалось у Адама.

- Я знаю.

- Не потому, что я не хочу. Будь моя воля, я бы никуда не отпустил тебя. Я бы сделал все от меня зависящее, чтобы ты была счастлива. - «Если бы у меня было будущее!» мысленно добавил он.

- Я знаю, - едва слышно прошептала Ника, - Я все знаю.

- Тебе пора идти, - прервал молчание Адам, - объявили посадку на твой самолет.

- Да, - Нику словно прорвало, - Вам понравился Духовный Учитель? Вы хорошо поговорили? Он же помог Вам, правда?

- Да. Все хорошо, Ника. Не волнуйся. И не думай обо мне. У тебя впереди долгая жизнь. Ты еще встретишь кого-нибудь и будешь счастлива.

- Я уже встретила...

Адам покачал головой:

- Иди. И ... не грусти, пожалуйста. Я прошу тебя, сделай это ради меня, - он развернул ее за плечи и подтолкнул вперед.

У самой двери Ника обернулась и посмотрела в последний раз на Адама Хартмана:

- Я желаю Вам услышать флейту Бога! Я очень этого Вам желаю! - и мысленно добавила «если бы Вы знали, что я для Вас сделала, то не просили бы о разных пустяках»

Адам кивнул, улыбнулся и помахал ей рукой. И когда она навсегда скрылась за дверями, тихо прошептал:

- Я знаю, девочка. Я все знаю.

9

Под крылом самолета сплошным, серым ковром плыли облака, закрывая собой землю, а наверху светило яркое веселое солнце. «Словно два мира: земной и небесный» - пронеслось в голове у Ники.

Боль в сердце с каждой минутой становилась все сильнее, но слезы казались чем-то неуместным. Она получила даже больше, чем рассчитывала. Поэтому Ника мысленно благодарила Бога, и не дерзала просить Его еще о чем-то. Всю эту боль она будет пить до дна, смакуя каждую каплю, ведь это все, что ей осталось. Главное, что Адам будет счастлив. А что так и будет, она знала со всей определенностью.

Ника закрыла глаза и стала перелистывать все свои воспоминания, связанные с этой неделей в Лондоне, словно переживая все заново. И неожиданно обнаружила, что непереносимая боль постепенно становится ...сладкой.

Когда самолет пошел на посадку, было уже темно. Звезды смотрели вниз молчаливо и величественно. И Нике почудилось дыхание Вечности. Словно что-то беспредельно большое и далекое от

всего мелкого и земного, от всей двойственности и несовершенства накрывало собой все сущее, растворяя боль и страдания. Или это был КТО-ТО...

Адам бесцельно брел по улицам, не обращая внимания на мелкий холодный дождь. В его жизни произошло все, что должно было произойти. Конечно, он не создал свой театр, о котором столько мечтал, но сожалений по этому поводу не было. Может быть потому что он ясно сознавал теперь, что Свой театр имеет только одна Личность – Бог. Остальные только тешат себя иллюзиями, пытаются быть похожими на Него. Но приходит время - и все становится на свои места.

А Ника? Он был благодарен Господу за те чувства, которые пережил. Адам намеренно избегал слова Любовь, так как где-то в глубине души понимал, что хоть это и были наиболее чистые, светлые и пронзительно нежные чувства, но чего-то в них не хватало. Может самоотречения, которое было у Ники. А может чего-то еще.... Почему-то он мучительно искал ответа на этот вопрос, словно это и было делом всей его жизни, единственным, ради чего стоило жить.

Ночь застала Адама на берегу набережной. Дождь прекратился и подул холодный, морозный ветер. Он плотнее закутался в промокшее пальто и сел на ближайшую скамейку. Что-то особенное витало в воздухе. Что-то непередаваемое, как предчувствие. Адам смотрел на реку, и ему казалось, что она ведет себя странно. Течет как-то неестественно: стремительно несется и в то же время стоит на месте. Пытаясь разгадать загадку, он всматривался в нее все пристальней и пристальней, пока ему не послышался неясный звук. Он приближался. Вскоре Адам стал различать, что это мелодия. Далекая, волнующая и знакомая. Он узнал ее, так как слышал с самой первой встречи с Никой. Она все время незримо играла где-то рядом. Но все время что-то мешало расслышать ее до конца. А теперь у него не было ничего, ни дел, ни желаний. И что там ему пожелала Ника, услышать флейту Бога? Вот именно. Пожалуй, это единственное чего он теперь хотел.

Адам сосредоточился на этом последнем своем желании, и стал вслушиваться изо всех сил. И невероятно, мелодия начала стремительно приближаться. С каждым мгновением звук становился все более отчетливым, все более сладким, все более завораживающим. Каждая новая нота, как отдельное существо проникала в уши, и устремлялась прямо в его сердце. Там она соединялась с предыдущей и рождала совершенно новую эмоцию. С каждым новым аккордом их становилось все больше. Они переполняли его и рвались наружу.

Это флейта! Адам не столько слышал ушами, сколько знал это всем сердцем. Она звала его, окутывала неземным, всеобъемлющим теплом и плакала. Флейта Бога. Адам рванулся навстречу этому звуку, но неясная боль остановила его. Ника!

- Господи! Пусть у нее все будет хорошо. Позаботься о ней! Кто еще сможет сделать это лучше, чем ты?

Ответ пришел мгновенно. И уже ничем не удерживаемый, знающий даже больше, чем можно себе вообразить, он устремился навстречу чудесному, неземному и бесконечно родному звуку.

10

Этим утром прохожие могли видеть одинокую фигуру пожилого человека в черном пальто, сидящую на скамейке возле набережной. Он был словно погружен в свои мысли, и на его лице застыла счастливая, умиротворенная улыбка. Он не замечал ничего вокруг, ни ежедневной суеты, ни холодного пронизывающего ветра, ни остановившихся неподалеку детей, пристально смотрящих на него. Вместо вчерашнего дождя с неба падали крупные хлопья снега. Они опускались на его пальто, на седые волосы, на белое лицо с красивыми чертами, словно стремились обнять его... и не таяли.

«Со всех сторон на звук флейты Бога слетаются гроззовые облака. И под воздействием этого звука их переполняет такая безбрежная любовь к Господу и такое желание сделать для Него хоть что-нибудь, что не в силах вынести переполняющих их чувств они начинают плакать. И их слезы в виде дождя устремляются на землю.

Течение рек останавливается из-за сильного эмоционального волнения, когда они слышат флейту Бога. Они не могут течь дальше, а сзади приходит все больше и больше воды и потому кругом образуются водовороты. Камни плавают от переполняющей их любви, а реки протягивают Господу на своих волнах кувшинки, лотосы, водяные лилии.

Хищные животные забывают о своей природе. Да что там! Все живые существа в самозабвенном порыве стремятся отдать Богу свои сердца. Почему? Потому что этот звук – есть Любовь. Великая, неземная, безграничная и всеобъемлющая любовь. Поцелуй Господа. Его дыхание, льющееся сквозь отверстия флейты на все живое. И тот, кто хотя бы раз услышит звук флейты Бога, никогда не вернется в мир горя и страданий. Потому что Господь заберет его к Себе»

Яшомати д.д.
Сентябрь 2003.

В рассказе использованы материалы из лекций Шри Шримад Бхакти Ракшак Шридхара Махараджа и Шри Шримад Бхактиведанта Нараяны Махараджа.